

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-840-847

EDN: FZKLOA

Религиозное многообразие и новые религиозные движения в современном социуме*

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Беларусь

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию В.А. Мартиновича «Социальная идентификация новых религиозных движений в Республике Беларусь» (Минск: РИВШ, 2024. 664 с.). В книге представлен малоизученный пласт культуры — многообразие новых религиозных движений (далее — НРД), особенности их отношения к обществу и его реакции на их деятельность. На примерах из истории социологии религии в монографии показан разрыв между типологией религиозных движений и анализом многообразного конфессионального пространства, включая эмпирическую апробацию его методов: идентификация религиозных организаций с тем или иным типом религиозных движений зачастую смещается в сферу исследования религиозности людей с точки зрения ее измерений и влияний на жизнь человека и общества. Мартинович создал специализированный архив, включающий более 600 тысяч единиц хранения, и разработал информационно-аналитический механизм фиксации, систематизации и анализа информации — реестр религиозных организаций, что позволило охарактеризовать источники информации, дифференцировать их по разработанным показателям с учетом всех представителей конфессионального пространства и ввести систематизированную информацию о НРД в научный оборот. В результате количественные показатели акторов конфессионального пространства и степень актуальности содержания НРД становятся предметом социального конструирования. Конкретная конфигурация религиозных организаций конфессионального пространства и их совокупные характеристики в общественном мнении способствуют формированию стереотипов и иллюзий о НРД. Исследование социальной идентификации религиозных организаций обладает значительным эвристическим потенциалом, внося существенный вклад в изучение категориально-понятийного аппарата общественного дискурса в отношении НРД, их развития, трансформации и стигматизации, моральных и этических дилемм в их деятельности.

* © Данилов А.Н., 2024

Статья поступила в редакцию 22.04.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

Ключевые слова: В.А. Мартинович; религиозное многообразие; новые религиозные движения; социальная идентификация; коммуникация; общественная реакция

Доктор теологии, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии Владимир Александрович Мартинович известен российскому и белорусскому читателю по таким крупным работам, как монография «Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция» (Минск, 2015) и учебник «Сектоведение» (Москва, 2023), а также по статьям в ведущих научных изданиях. Религиозное многообразие — основной объект его исследования в во многом уникальной монографии «Социальная идентификация новых религиозных движений в Республике Беларусь», для написания которой автору потребовалось более двух десятилетий неустанного научного поиска. В частности, он создал специализированный архив, включающий более 600 тысяч единиц хранения, и разработал реестр религиозных организаций для систематизации информации. Поистине титанический труд позволил автору собрать уникальную информацию по всему миру, идентифицировать источники, дифференцировать их по разработанным показателям с учетом всех представителей конфессионального пространства, ввести систематизированную информацию о НРД в научный оборот. В.А. Мартинович убедительно показал, что исследование религиозного многообразия и механизмов социальной идентификации и коммуникации религиозных организаций чрезвычайно актуально, поскольку напрямую связано с проблемами устойчивого развития и безопасного функционирования страны.

Проделанная работа позволила автору критически взглянуть на социологию религии, показав ее кризисное состояние: «Разрыв между теорией и практикой имеет одно принципиально важное следствие, не просто затормозившее, но поменявшее весь ход развития социологии религии в целом. Дело в том, что типологии религиозных организаций, призванные отразить все многообразие акторов конфессионального пространства, практически никогда не апробировались их авторами на больших массивах разных религиозных организаций, в том числе не использовались по своему прямому предназначению в качестве инструментария для выявления и типологизации религиозного многообразия в конкретной стране и местности. Из огромного массива существующих в мире и конкретной стране религиозных организаций ученые легко находили примеры, полностью удовлетворяющие выделенным ими типам, но не пытались проверить свои типологии на генеральной совокупности религиозных организаций любого региона» (С. 69). Соответственно, «типологии религиозных организаций не получали подтверждения на репрезентативном эмпирическом материале, а существующий независимо от них эм-

пирический материал не находил адекватного осмысления в типологиях. В результате исследование религиозных организаций зашло в тупик. Большая часть истории поисков понятийной явности в сфере типологизации религиозных организаций являлась, по существу, заранее обреченной на провал попыткой преодоления этого тупика, так как ученые продолжали разрабатывать свои типологии в отрыве от исследования религиозного многообразия и, соответственно, наоборот, пытались изучить религиозное многообразие без глубокой предшествующей и (или) заключительной теоретико-методологической проработки темы. Теоретическая бесплодность данного блуждания становится очевидна, и в исследовании организованных форм религии разрастается кризис. При этом продолжается воспроизводство замкнутых на себя типологий религиозных организаций и их определений, оторванных от эмпирической апробации на репрезентативных массивах данных... В этом контексте особое развитие получают исследования религиозности населения в многообразии ее измерений и влияний на жизнь человека и общества. Данный поворот в сторону исследований религиозности населения принес множество интересных результатов, вдохнул в социологию религии новую жизнь и в целом более чем оправдан. Однако стратегическая задача в развитии социологии религии в XXI веке состоит в возвращении в повестку дня анализа религиозных организаций, который более чем гармонично может сосуществовать с анализом религиозности населения» (С. 70).

Мартиневич посвящает монографию теоретико-методологическому изучению религиозного многообразия, анализу средств коммуникации НРД и социальной идентификации религиозных организаций в Республике Беларусь, оценке генеральной совокупности таких организаций и разрабатывает алгоритм расчета динамики их деятельности, вскрывая специфику их коммуникации с обществом и особенности общественных реакций на религиозное многообразие в процессе коллективного конструирования представлений о нем.

Книга состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованной литературы, который насчитывает более 900 источников преимущественно на английском языке. В первой главе «Религиозное многообразие и социальная идентификация религиозных организаций как предмет социологического исследования» Мартиневич представляет категориально-понятийный аппарат исследования, проводит критический анализ идентификации НРД в трудах социологов и исследованиях религиозного многообразия в XX–XXI веках, сосредотачиваясь на теории религиозной экономики. Вторая глава посвящена теоретико-методологическим проблемам изучения религиозного многообразия, средств коммуникации и социальной идентификации НРД в Республике Беларусь на материале трех масштабных исследований. В третьей главе

«Идентификация новых религиозных движений в практике социальных институтов» Мартинович рассматривает социальную идентификацию НРД в практике редакций и журналистов СМИ, общественных организаций, научного сообщества, религиозных структур, политических партий и органов государственного управления. В четвертой главе «Религиозное многообразие, средства коммуникации новых религиозных движений и социальная идентификация в Республике Беларусь» автор характеризует исторический контекст деятельности НРД, приводя основные результаты исследований их средств коммуникации и социальной идентификации. И, наконец, в заключительной главе Мартинович анализирует теорию религиозной экономики с учетом полученных результатов и раскрывает эвристический потенциал изучения социальной идентификации НРД на примере проблем трансформации сект, стигматизации и моральной паники.

Рассмотрев в исторической ретроспективе попытки исследователей выявить генеральную совокупность религиозных организаций (начиная с труда святого Епифания Кипрского «На восемьдесят ересей Панарий» (IV в.) и заканчивая «Энциклопедией религий Америки» Г. Мелтона (2016) и «Всемирной христианской энциклопедией» Т. Джонсона (2020)), Мартинович отмечает, что «за более чем 120 лет своего существования социология религии так и не смогла со сколько-нибудь существенным уровнем достоверности для любой страны ответить на два вопроса: сколько разных религиозных организаций действует в стране, и сколько людей вовлечено в деятельность религиозных организаций всех типов?» (С. 98).

Вполне обоснованно Мартинович опирается на исследовательскую программу международной научной школы социологии религии Р. Старка, одного из самых влиятельных социологов религии второй половины XX — начала XXI века. По его мнению, Старк инициировал два взаимодополняющих методологических сдвига: сместил акцент с изучения представлений верующих на анализ религиозных организаций и обосновал эвристический потенциал исследований конфессионального пространства в рамках исторической социологии. Мартинович полагает, что проведенные им исследования «1) доводят до логического конца незавершенную Старком программу исследования религиозных организаций, а через это: впервые в истории социологии религии предлагают пример анализа генеральной совокупности действующих в стране религиозных организаций и впервые доказывают корректность исходных посылок Старка, лежащих в основании его сдвига в сторону анализа религиозных организаций; многократно повышают стандарт в исследованиях религиозного многообразия; 2) в существенных пунктах дополняют и корректируют базовую типологию религиозных организаций Старка,

в том числе в части определения типов “секты и культы”, “клиентурные культы”, “аудиторные культы”; 3) проблематизируют вызванную теорией религиозной экономики полемику вокруг темы секуляризации и масштабов религиозного многообразия как оторванную от реального эмпирического материала; 4) являются основанием для существенной модификации концепции напряжения в теории религиозной экономики и совокупности сопряженных с ней выводов относительно возникновения, развития и распада религиозных организаций, а также их отношений с обществом; 5) выступают основанием для существенной модификации фундамента теории религиозной экономики — концепции “естественного состояния конфессионального пространства”» (С. 125).

В частности, Мартинович разработал методiku сбора и анализа информации по конфессиональному пространству, позволившую выявить генеральную совокупность религиозных организаций в Республике Беларусь; методологию идентификации документов религиозных организаций; индекс религиозного многообразия, апробация которого позволила установить новый стандарт в оценке результатов изучения конфессионального пространства разных стран; алгоритм расчета динамики деятельности религиозных организаций, апробированный в Республике Беларусь. Кроме того, он сконструировал и апробировал в эмпирическом исследовании систему показателей, характеризующих социальную идентификацию религиозных организаций; определил особенности общественных реакций социальных институтов на религиозные организации и динамику изменений конфессионального пространства Республики Беларусь; выявил механизмы формирования в общественном дискурсе представлений и стереотипов о различных сегментах конфессионального пространства.

Стратегическую задачу социологии религии в XXI веке Мартинович видит в возвращении в основную исследовательскую программу дисциплины религиозных организаций, что будет способствовать переводу анализа религиозности населения на качественно иной уровень. Разработанный автором инструментарий анализа религиозного многообразия эффективно используется в исследовании средств коммуникации НРД: показана совокупность способов и технологий религиозных организаций для трансляции своих сообщений в общественном дискурсе, зафиксирована доля религиозных организаций, открыто пытающихся в той или иной форме публично заявить о своем существовании. Оценка генеральной совокупности религиозных организаций позволила рассчитать по новым формулам индекс религиозного многообразия, задающий, по существу, новый стандарт в исследованиях религиозного многообразия, и динамику деятельности религиозных организаций, учитывающую не только возникновение, но и распад действующих НРД (С. 597).

Книга представляет целостную макроуровневую характеристику социальной идентификации НРД для конкретного периода и страны на основе 11 показателей: объем внимания к теме (количество опубликованных общедоступных источников); объем внимания к НРД (общее количество НРД, идентифицированных в совокупности источников); объем внимания к религиозному многообразию (количество идентифицированных НРД из числа действующих); уровень теоретического интереса (разница между вторым и третьим объемами); интенсивность идентификаций НРД (сумма упоминаний в заданный период); интенциональность внимания (степень интенсивности идентификаций отдельных НРД); временной интервал реакций на НРД (промежуток между началом работы НРД в стране и его первой идентификацией); активность внимания (доля ежегодно идентифицируемых НРД, ранее не упоминавшихся в общественном дискурсе); совместность внимания (уровень консенсуса в идентификации одних и тех же НРД разными социальными институтами); характер внимания (распределение идентифицированных НРД в соответствии с набором их качественных и количественных характеристик); устойчивость внимания (уровень рекурсивности идентификации НРД). Совокупность показателей определяет страновую специфику социальной идентификации религиозных организаций и особенности общественных реакций на НРД.

Интенсивность и устойчивость социальной идентификации НРД на протяжении длительного времени, количество и вариативность вовлеченных в нее акторов из разных социальных институтов достаточно высоки и свидетельствуют о ее нормативном характере в Республике Беларусь. В то же время пассивность социальных институтов по отношению к НРД, высокая децентрализация и независимость субъектов социальной идентификации, доминирование в конфессиональном пространстве средне- и слабоорганизованных типов НРД, преобладание возникающих в стране менее заметных групп над мигрирующими из-за рубежа обуславливают высокую селективность социальной идентификации — в общественном дискурсе предметом обсуждения становится не более трети действующих в стране НРД и не более пятой части ежегодно.

Мартиневич подчеркивает, что и наука избирательна в социальной идентификации НРД, хотя в сравнении с другими институтами более точно фиксирует и воспроизводит информацию о конфессиональном пространстве. Внимание ученых и представителей религиозных организаций к НРД отличается большей стабильностью, чем у СМИ и общественных объединений. Наука лидирует по уровню независимости и самостоятельности в выборе объектов для идентификации, по общему объему совместного внимания к НРД, т.е. вносит наибольший вклад в формирование общественного консенсуса к этой теме. В свою очередь,

СМИ наиболее чувствительны к динамике деятельности НРД, а внимание общественных объединений наименее устойчиво (С. 599).

Общество реагирует на изменения в динамике деятельности НРД наращиванием или уменьшением объема внимания к ним, однако совершенно нечувствительно к масштабам протекающих процессов, что приводит к несоразмерности и внутренней противоречивости реакций на конфессиональное пространство. В результате «представления о количестве акторов конфессионального пространства и их характеристиках, о степени актуальности темы НРД в целом и отдельных НРД в частности становятся предметом коллективного социального конструирования, оторванного от протекающих в обществе процессов» (С. 599–600). Исследования Мартиновича показывают, что «диспропорция в сторону социальной идентификации иностранных НРД ведет к появлению стереотипа о преимущественно иностранной, западной природе феномена НРД, несмотря на доминирование в генеральной совокупности местных НРД. Диспропорция в сторону идентификации НРД с криминальным прошлым приводит к некорректным обобщениям о феномене НРД как целиком связанном с правонарушениями, несмотря на законопослушность большинства НРД» (С. 600). Высокий уровень избирательности социальной идентификации обусловлен не только институциональной спецификой общественных реакций на НРД, но и действиями самих НРД, направленными на уклонение от негативных и увеличение позитивных реакций общества. При этом стратегия имитации нормы выполняет стабилизирующую функцию в системе отношений НРД с социальными институтами, но в долгосрочной перспективе оказывает дестабилизирующее воздействие на НРД.

Монография отличается актуальностью и масштабом поставленных задач, новизной полученных результатов и целеустремленностью поисков: автору удалось собрать и проанализировать огромное число источников и научной литературы на разных языках, обоснованно и четко очертить круг проблем, заложить реальные предпосылки для теоретико-методологического обновления социологических исследований религиозного многообразия в современном обществе, в частности НРД. Монография информационно насыщена, каждый ее тезис аргументирован, доказан и выверен историческими фактами, статистическими и социологическими данными. Книга рассчитана на широкий круг читателей — научных работников, преподавателей гуманитарных специальностей, социологов, религиоведов, государственных служащих, студентов и аспирантов, а также всех, кто интересуется проблематикой нетрадиционной религиозности. Несомненно, монография В.А. Мартиновича «Социальная идентификация новых религиозных движений в Республике Беларусь» вызовет большой общественный интерес и будет востребована исследователями.

Religious diversity and new religious movements in the contemporary society*

A.N. Danilov

Belarusian State University,
Kalvariyskaya St., 9, Minsk, 220004, Belarus

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Abstract. The article is a review of the book *Social Identification of New Religious Movements in the Republic of Belarus* (Minsk, 2024. 664 p.) by V.A. Martinovich. This book presents a little-studied aspect of culture — diverse new religious movements (NRM), peculiarities of their attitudes to society and public reactions to their activities. Based on the examples from the history of sociology of religion, the author argues that there is a gap between the typology of religious movements and the analysis of the diverse confessional space, including the empirical testing of its methods: identification of religious organizations with some types of religious movements is often replaced by the study of religiosity in its various dimensions and influences. Martinovich created a specialized archive with more than 600,000 units and developed an information-analytical mechanism for the data description, systematization and analysis — register of religious organizations, which allowed to identify information sources, differentiate them by the developed indicators, taking into account all representatives of the confessional space, and introduce the systematized data about NRM into scientific circulation. Thus, the quantitative indicators of actors in the confessional space and the degree of relevance of the content of NRM became an object of social construction. The study of the social identification of religious organizations shows considerable heuristic potential, making a substantial contribution to the conceptual apparatus of public discourse regarding NRM — their development and transformation, stigmatization, and moral and ethical problems associated with their activities.

Key words: V.A. Martinovich; religious diversity; new religious movements; social identification; communication; public reaction

* © A.N. Danilov, 2024

The article was submitted on 22.04.2024. The article was accepted on 14.06.2024.